

Пока на горе Уцзян шел четвертый тур отбора, старый глава Императорской академии живописи ломал голову над непростой задачей — какими картинами ублажить взор императора.

Храм Бога Бракосочетания исчез в одночасье. И приложила к этому руку не какая-нибудь тайная канцелярия, а Обитель Сидячего Забытья — оплот государственной веры. Столь сокрушительный удар и грозная стремительность не оставляли храму ни единого шанса возродиться из пепла.

Главу академии мучил один вопрос:

«Все наши мастера изо дня в день писали этот злосчастный храм, выбирая разные виды и ракурсы. И что теперь делать с этими горами холстов? Стоит ли вообще нести их во дворец?»

Его Величество желал созерцать кипение мирской жизни и величие процветающей эпохи. Какой смысл преподносить государю изображения увядшего цветка, который уже стерт с лица земли? Но если утаить картины, как оправдаться за невыполнение высочайшего указа?

И так плохо, и эдак нехорошо — положение казалось безвыходным.

Его заместитель извелся не меньше, мерил комнату шагами, заложив руки за спину, и судорожно размышлял. В конце концов он решительно замер и, стиснув зубы, предложил:

— Нести!

Ослушаться приказа они не смели. Однако никто не заставлял их сдавать исключительно виды разрушенного святилища. Можно было разбавить подборку другими городскими пейзажами и зарисовками столичных нравов, которые живописцы набросали в последнее время.

Благо, весеннее гулянье в столице было в самом разгаре, и многие художники выбирались со своими семьями в Парк Ивовый Рощи. Набросков и законченных этюдов у них накопилось предостаточно. Если среди этих весенних видов затесается пара-тройка картин с бурлящей толпой у Храма Бога Бракосочетания, это легко сойдет за обычное отражение недавней столичной жизни.

— Так мы и государя уважим, и злых языков избежим. Разве не идеальный выход? — лучшего плана заместитель предложить не мог при всем желании.

— Что ж, иного не дано, — немного подумав, старик вздохнул и согласился.

— Велю поскорее собрать работы. Императорский посланник вот-вот прибудет.

Завистники в академии, едва прознав о новом поручении, тут же вспомнили о Хэлане и его наброске таинственной незнакомки в черном шелке, сделанном со второго этажа трактира. В той картине безупречно сочетались и живой пейзаж, и человеческая фигура — идеальное попадание под запросы двора. Кое-кто из соперников беззвучно скрежетал зубами от досады: «Надо же, столько интриг плели, а этому недоумку опять улыбнулась удача!»

Нет, допустить подобное было никак нельзя.

«Проницательные» умы зашевелились с бешеной скоростью, и в мгновение ока созрел коварный замысел, как устранить выскочку и отвести угрозу от собственного благополучия.

Но все это...

...Чи Нин предвидел заранее. Он заблаговременно велел Хэлану подготовить испорченный черновик, чтобы в случае чего пустить его в ход. Кому-то из завистников непременно должно было снести голову от злости.

И действительно: среди множества отобранных работ именно картину Хэлана «совершенно случайно» залили водой, сделав ее непригодной для императорского взора.

Заместитель главы академии провел на службе слишком много лет, чтобы поверить в эту нелепую случайность. Глядя на расплывшееся чернильное пятно, уничтожившее холст, он задыхался от гнева. Сборище бездарей! Вместо того чтобы оттачивать мастерство, они тратили все силы на подлые уловки и грязные козни.

Но дело было сделано. Что он мог предпринять теперь?

Старый глава академии, услышав о случившемся, бессильно опустился в кресло. На него было жалко смотреть. Он искренне надеялся, что Хэлан сумеет вознестись на вершину славы, оседлав волну недавней моды на реалистическое направление живописи. Самые суровые критики могли упрекать юношу разве что в избыточном правдоподобии и нехватке полета фантазии, но любой зрячий человек с первого же взгляда поражался ошеломляющей живости его полотен.

Самородок с таким филигранным талантом рождается раз в столетие. И надо же было так глупо погубить его труд...

Хуже всего то, что старик уже успел пообещать императорскому евнуху нечто особенное — картину, в которой пейзаж и человеческая фигура сливались воедино.

— Что же теперь делать? — лепетал он в панике.

— У меня есть одно предложение, пусть и не самое лучшее, — заместитель, пересилив

неловкость, изложил свою мысль.

Был в академии один пронырливый придворный живописец по имени Цзянь Жэнь. Он тоже набросал женский силуэт со спины и, подсмотрев композицию у Хэлана, наскоро переделал свой холст. Получилось сносно, хотя сходство было сугубо внешним — в картине не осталось и капли живой души. Этот делец принес свою работу заместителю ни свет ни заря. Его умысел лежал на поверхности: подкараулить счастливый случай, уповая на пресловутый «а вдруг».

И этот безумный шанс действительно выпал.

— Уж не эта ли тварь подлила воды Хэлану?! — старик в ярости грохнул кулаком по столу.

Заместитель, будучи человеком практичным, попытался урезонить начальника:

— Какая теперь разница? Нам дозарезу нужна подходящая картина. Лучше уж плохая замена, чем вообще ничего. А перед мальчиком мы позже как-нибудь загладим вину.

Раз уж судьба отвернулась, придется бедному юноше потерпеть несправедливость.

Глава академии разрывался между остатками совести, которую он почти полностью растерял за долгие годы придворной службы, и нетерпеливым понуканием со стороны дворцовых евнухов. В конце концов он зажмурился и обреченно кивнул:

— Эх, пропади оно все пропадом!

Нынешняя академия измельчала. Мечтать о возрождении былого величия времен императора Су теперь можно было разве что во сне.

Хэлан, как обычно, туго соображал. Руководство вызвало его, долго и путано «объясняло ситуацию», осыпая фальшивыми утешениями. Когда все разошлись, он так и остался стоять посреди пустого зала, с большим опозданием пробормотав себе под нос:

— Да не собирался я отдавать этот портрет во дворец... Я же его для батюшки писал.

Но слушать его лепет было уже некому.

Трехдневный четвертый тур отбора наконец завершился. Из тридцати пяти кандидаток в живых — фигурально выражаясь — осталось лишь трое.

Впрочем, отбор не ограничился этой тройцей. На всякий случай отобрали еще десятерых в качестве запаса, так что шансы зацепиться за судьбу у девушек были весьма неплохими.

Домой отправили лишь двадцать две неудачницы. Но и их участь была устроена по давно заведенному обычаю: им позволялось либо вернуться к семьям, либо остаться при дворе в качестве дворцовых дев. Единственное преимущество перед теми, кто отселился раньше, заключалось в том, что этих девушек принимали в штат без унижительных проверок и экзаменов. Их сразу определяли в покои знатных особ, что открывало им прямую дорогу к званию дворцовых дам.

Большинство проигравших девушек, как и предвидел Чи Нин, предпочли остаться во дворце. Горечь поражения жгла им душу, и они надеялись отыграться, используя любой подвернувшийся случай. Среди них оказалась и кандидатка Чжао, чей единственный талант ограничивался искусным подражанием чужим голосам.

Прищурившись, Чи Нин наблюдал, как юная девица споро укладывает свои нехитрые пожитки и встает в вереницу новоиспеченных служанок, ведомых евнухом вглубь дворца.

«Иногда и участь простой служанки может обернуться небывалым взлетом», — подумал он.

Мужская натура неизменна в своих пороках: жена милее чужой барышни, наложница слаще законной супруги, тайная связь манит пуще дозволенной, а слаще всего та птица, которую никак не удастся поймать в силки.

«Надеюсь, кандидатка Чжао не падет духом. С ее упорством у нее все должно получиться».

У Эр и Ваньвань оказались среди тех немногих, кто с облегчением выбрал возвращение домой. Воспользовавшись предложением, Чи Нин лично доставил У Эр в поместье принцессы. Передав беглянку из рук в руки ее рыдающим от счастья брату и невестке, он тут же развернулся и поспешил на встречу с Сыту Ваном.

Местом для тайного свидания была выбрана Башня Взгляда на Реку — заведение, открытое приемным сыном Чи Нина. Это было надежное гнездышко: никаких лишних ушей, отменная кухня, баснословные цены и безупречный лоск, приличествующий самым высоким гостям.

В уединенном покое Сыту Ван ждал его уже довольно давно.

Признаться, рассказчик из молодого генерала был никудышный — даже господин Юань повествовал складнее. Историю своих былых отношений с наследником Вэнь Хуайгу вояка изложил настолько скупое и сухо, что не зная Чи Нин всех подробностей заранее, он бы просто испустил дух от скуки.

Много лет назад Сыту Ван попытался прощупать почву и намекнул другу на возможность

породниться через брак между их семьями. Однако Вэнь Хуайгу без малейших колебаний отверг это предложение, заявив, что вообще не намерен связывать себя узами брака.

Скажи подобное кто-нибудь другой, Сыту Ван непременно заподозрил бы неладное и засыпал бы приятеля расспросами. Но для отпрысков императорского рода Вэнь такое поведение было в порядке вещей. В истории династии подобных примеров хватало: иные принцессы до самой смерти не желали выходить замуж, предпочитая держать целые гаремы наложников, а князья и принцы до отказа забивали усадьбы любимыми фаворитками и бастардами, лишь бы не отдавать свои брачные узы на откуп всесильным евнухам. В условиях драконовских правил императорского отбора супругов любое сумасбродство казалось вполне объяснимым.

Однако не прошло и года с тех пор, как Хуайгу клялся никогда не связывать себя узами брака, как он внезапно передумал и изъявил желание жениться.

Поскольку Сыту Ван прекрасно знал, что его друг органически не умеет лгать, вывод напрашивался сам собой: дело нечисто. Как раз в то время настоятель Обители Сидячего Забытья поведал генералу о странностях, творящихся в Храме Бога Бракосочетания. Сопоставить внезапную переменчивость Вэнь Хуайгу с чертовщиной в храме было делом простейшей логики.

К тому же, если говорить начистоту, репутация Чи Нина, заправлявшего делами отбора, была далека от безупречной.

Чи Нин лишился дара речи. Что греха таить, подобные подозрения имели под собой веские основания. Не будь у него этой забавной слабости — собирать под свое крыло названных сыновей, — ради доверия нового императора он вполне мог бы пойти на любые низости.

— Прошу меня простить. Я несправедливо заподозрил вас, — молодой военачальник отличался редким благородством и умел признавать свои ошибки.

«Они с этим глуповатым наследником просто созданы друг для друга — идеальная пара благородных дуралеев».

— Так чего же вы хотите на самом деле? — Чи Нин решил покончить с неловкими развесами и нанес Сыту Вану прямой удар в душу.

Генерал растерялся и лишь спустя несколько мгновений смог выдавить из себя привычную ложь, которой усыплял собственную совесть:

— Я лишь хочу, чтобы Хуайгу жил так, как велит ему сердце.

— Но ведь облегчить заботы престарелого отца и согласиться на брак — это и есть его истинное желание на сегодняшний день, — Чи Нин пустил в ход софистику, в которой ему не

было равных при дворе. — Людские помыслы текучи, точно вода. В детстве мы мечтаем поскорее вырасти, а возмужав, со слезами вспоминаем былые годы. Каждое желание истинно лишь в свое мгновение. Они кажутся противоречивыми, но на деле это не так — просто время идет, и мы меняемся. Наследник тоже изменился. По какому праву вы пытаетесь помешать сыну исполнить долг перед отцом?

— Помочь отцу можно разными путями...

— Но этот путь — самый короткий и верный, — Чи Нин наступал безжалостно.

— Мой клан Сыту...

— Вы хотите, чтобы род князя Цзина сгинул еще быстрее? — Чи Нин прищурился. — Опальный князь и без того у государя на плохом счету. Если к его бедам добавится союз с могущественным генеральским кланом, владеющим армией, то не пройдет и трех лун, как император развеет прах этого благородного семейства по ветру.

— Но я ведь ученик Обители Сидячего Забытья...

— Обитель перестанет существовать в ту секунду, когда усомнится в верности трону. Вся сила вашей веры зиждется на невмешательстве в дела земные.

— Да потому что я люблю его! Люблю Хуайгу! И не могу безучастно смотреть, как он связывает жизнь с другой! — глаза Сыту Вана налились кровью, он наконец сорвался и выкрикнул то, что так долго хоронил в груди.

Не существовало никакой кузины, не планировалось никакого чужого союза — только он и Хуайгу. Генерал прекрасно понимал, что они оба — единственные наследники великих семейств. Им не суждено быть вместе, на их плечах лежит неподъемный груз долга перед предками, они обязаны...

Тысячи преград растаяли перед одной короткой истиной: «Я люблю его».

Что бы ни случилось, вопреки всему миру — люблю.

Каждому человеку хоть раз в жизни выпадает безумная, испепеляющая страсть, ради которой хочется отречься от здравого смысла. Счастливыцы умудряются сберечь ее сквозь годы, несчастные ранят себя и близких, а иные и вовсе проживают век, так и не испытав подобного пламени.

Чи Нин не брался судить, благословением или проклятием станет этот порыв для влюбленных, но он твердо знал одно: Вэнь Хуайгу имел право услышать признание. Он поднялся с места и плавно отступил в сторону. В ту же секунду потайная панель в стене скользнула в паз, явив

замершую фигуру молодого наследника князя.

Хуайгу потрясенно смотрел на друга своего детства. Во взгляде его сквозило изумление, неверие в услышанное, но в нем не было и тени гнева или отторжения.

— Пожалуй, я оставляю вас наедине, — Чи Нин мягко улыбнулся и выскользнул из комнаты, предоставив юношам самим распутывать клубок своих чувств.

Удалившись, он со спокойной душой предоставил им решать свою судьбу.

"Ты уверен, что их чувства взаимны и они поймут друг друга?" — раздался в мыслях Чи Нина крадчивый голос господина Юаня.

"Разумеется, нет, — отозвался Чи Нин. Он не был всевидящим пророком или мастером гадания по лицам. Он лишь подарил молодому княжичу выбор. Отбор ведь никто не отменял: Чжу Лян, У Шэн и Ли Шимэй по-прежнему оставались в списке кандидатов. Если детская привязанность не выдержит испытания правдой, Хуайгу всегда успеет жениться ради спасения отца. — Я лишь надеюсь, что у них достанет смелости сделать этот шаг".

Если они найдут в себе силы держаться за руки, Чи Нин охотно поможет им преодолеть все девяносто девять кругов грядущих невзгод.

«Ох, нелегкая это доля — быть заботливым батюшкой».

Новый император, весь день препиравшийся с упрямыми сановниками из-за тонкостей дворцового этикета, покинул тронный зал в самом скверном расположении духа. Раздражение искало выхода, и именно в эту минуту во дворец доставили холсты из Академии живописи. Поначалу государь и глядеть на них не желал, но сегодня у его покоев дежурил Директор с печатью Дирекции императорских конюшен, евнух Сунь. Будучи старым слугой, помнившим государя еще безвестным князем в его прежнем уделе, он пользовался особым расположением и доверием.

Евнух Сунь искренне желал повелителю добра. Он надеялся отвлечь государя от язвительных речей столичного чиновничества, справедливо полагая, что бессильный гнев лишь подтачивает императорское здоровье, заменить которое не под силу никому во всей Поднебесной.

Император пока еще прислушивался к советам верных людей. А потому послушно бросил взгляд на подношение — и буквально застыл на месте перед картиной Цзянь Жэня.

Холст не в точности копировал его ночные видения, но композиция оказалась настолько

схожей, будто кто-то заглянул в его грезы и перенес их на шелк. Сердце монарха пропустило удар.

«Неужели таинственный образ из моих снов действительно существует во плоти? Но тогда...»

Разумеется, подобное совпадение казалось слишком невероятным, а правители по природе своей подозрительны. К тому же прибывшие в столицу монахи Обители Сидячего Забытья то и дело вели речи о подлинных чудесах и кознях нечисти, так что государь не спешил верить глазам своим. Тем же вечером он отдал тайный приказ допросить Цзянь Жэня с особым пристрастием.

За дело взялись ищейки Восточного притвора совместно с палачами из палаты наказаний Обители Сидячего Забытья. Несчастного художника вывернули наизнанку — от плоти до самых глубин души. Подвергшись изощренным истязаниям, Цзянь Жэнь без утайки выложил все, что знал о происхождении своего наброска.

Ему пришлось испытать чашу мук до дна — палачи превратили бедолагу в едва живое месиво.

Разумеется, он всей душой желал выдать Хэлана, но стоило ему открыть рот, как губы словно деревенели, отказываясь повиноваться. Для палачей это выглядело нелепым упрямством. Потеряв терпение, мастер Обители Сидячего Забытья прибег к запретному колдовству и ценой собственного здоровья сумел проникнуть в разум художника, чтобы увидеть его воспоминания.

Очнувшись, чародей выглядел иссушенным и едва держался на ногах. Опустившись на стул, он хрипло выдавил:

— Долг... исполнен.

В его видении предстал лишь сам Цзянь Жэнь, который тайком от всех лихорадочно водил кистью по шелку, — и больше никого.

Коварный замысел Чи Нина сработал безупречно: слепая зона надежно скрыла истинного автора.

Ни одна ищейка так и не заподозрила подвоха.

Проведя расследование, агенты Парчовой стражи выяснили, что в тот день у окна на втором этаже трактира «Юньлай» действительно сидела редкой красоты девица. Ее помнили многие из присутствовавших там художников — столь ярким и запоминающимся оказался ее образ. Это окончательно убедило следствие, что картина Цзянь Жэня была написана с натуры.

Ознакомившись с донесением, император наконец поверил, что имеет дело с обыкновенной случайностью.

Новой ночью незнакомка явилась к нему вновь. Она звала его, лишая покоя и сна. Страстное томление овладело разумом государя с невиданной силой — он жаждал увидеть ее лицо.

Увы, ни один из мастеров академии не обладал утонченным даром Хэлана. Никто не мог восстановить по памяти черты таинственной незнакомки. Многие и вовсе успели позабыть ее лик, ведь более всего очевидцев поразила ее дикая, необузданная грация, затмившая саму красоту. Хэлан же беспрекословно следовал указаниям Чи Нина. Когда старый глава академии явился расспросить его, юноша лишь развел руками, уверяя, что пишет только с натуры, а по памяти изобразить лицо бессилён.

Руководителям академии оставалось лишь сокрушенно вздыхать, сетуя на злой рок.

Чувствуя вину перед одаренным юношей за украденный холст, они умолчали о его причастности к этому делу. Одной жертвы в лице растерзанного Цзянь Жэня было более чем достаточно — незачем губить лучший самородок во всей академии.

Узнав, что никто не способен воссоздать портрет красавицы, император лишь устало махнул рукой:

— Довольно. Видно, такова моя судьба.

Однако в глубине души государь понимал: эта покорность судьбе была притворной. Прежде он легко отпустил грезу, считая ее лишь плодом сонного воображения. Но теперь, зная, что красавица реальна, он изнывал от жгучей досады. Нет ничего мучительнее мысли о том, что сокровище было так близко — и ускользнуло навсегда.

И если прежде интерес монарха к незнакомке был умеренным, то теперь вождение разгорелось до предела.

Дворцовая челядь, состоящая сплошь из прожженных интриганов, мгновенно уловила тайное желание господина. Император мог опустить руки, но его слуги — никогда. Втайне от государя развернулись масштабные поиски таинственной девицы, когда-то молившейся у Храма Бога Бракосочетания. Различные дворцовые фракции вступили в яростную борьбу, стремясь первыми поднести владыке желанный дар.

Всесильный евнух Цянь Сяюй даже нанес Чи Нину тайный визит и спросил в лоб:

— Признайся, твоих рук дело?

Чи Нин соорудил самое невинное лицо:

— О чем вы, глубокоуважаемый? Что-то я не улавливаю сути.

— Неужели ты не заметил среди девиц на отборе редкую жемчужину и не разыграл это представление? — Цянь Сяюй славился звериным чутьем, превосходящим женскую интуицию. Именно этот внутренний голос помогал ему выживать в дворцовых омуты и забираться на вершину власти. Сейчас его чутье вопило, что Чи Нин замешан в интриге, однако доказать это было невозможно.

— Обладай я столь великим могуществом, разве меня сослали бы в свое время в Цзянцзо? — ловко ушел от ответа Чи Нин.

Старого интригана было трудно сбить с толку.

— Это совсем другое дело, — туманно обронил он и добавил: — Будь я на твоём месте, я бы тоже послал людей на поиски. Хотя бы для виду.

Чи Нин внутренне содрогнулся от этой пронзительности, но благодаря незримой помощи божественного Юаня его лицо осталось холодным и безучастным, точно высеченное из нефрита.

Цянь Сяюй пытливо вглядывался в его черты, но, так и не заметив ни единой дрожи, ушел восвояси, оставшись при своих сомнениях.

Едва гость скрылся, Чи Нин облегченно перевел дух:

«Иметь дело с такими умниками — сущее наказание».

Изначально он хотел держаться как можно дальше от этой кутерьмы, чтобы не навлечь на себя подозрения государя. Но Цянь Сяюй зрел в самый корень: полное равнодушие в такой момент выглядело вызывающе намеренным.

Не зря этот старый лис занимал пост Директора с печатью Дирекции церемониала. Пусть под ним и качалось кресло, на сегодняшний день он оставался самым влиятельным евнухом в Поднебесной.

Чи Нин поспешил отправить своих слуг разыскивать девицу, а самому Цянь Сяюю послал в подарок сундук, набитый чистым золотом.

Цянь Сяюй питал непреодолимую страсть к звонкой монете. Ничто в этом зыбком мире не дарило ему такого ощущения уверенности, как тяжелые слитки благородного металла. К тому же приближался день его рождения, и щедрый подарок от Чи Нина не должен был вызвать подозрений у посторонних. Дворцовые сплетники сочли бы это обычной попыткой втереться в доверие к сильным мира сего, не брезгуя даже подкупом сторонников из враждебного лагеря.

Тем временем Цзи Цзань, следуя тайному указанию, облачилась в просторное темное одеяние,

принадлежавшее Чжу Ляну, и принялась регулярно появляться в самых людных местах столицы. Она вела тонкую игру: притворялась обычной горожанкой, не ведающей ни ухом ни рылом о том, что ее разыскивает сам император, но при этом умудрялась привлекать ровно столько внимания, чтобы ее заметили нужные люди.

Ее актерское мастерство превзошло все ожидания Чи Нина.

В итоге, аккуратно перед третьим, решающим туром отбора, таинственная красавица наконец была благополучно «отыскана».

И преподнес этот бесценный дар государю вовсе не Цянь Сяоюй, мечтавший усыновить Чи Нина, и не заклятый враг последнего — евнух Ма, погрязший в разборках с Сектой Небесного Писания. И даже не доверенное лицо императора, евнух Сунь. Честь открытия досталась Шан Эр — самому «простодушному и прямолинейному» из придворных слуг.

Лишь тогда при дворе вспомнили, что после внезапного исчезновения прежнего императора Тяньхэ именно Шан Эр одним из первых почувал, куда дует ветер, и поспешил присягнуть новому повелителю.

Юный Куцай со страхом и трепетом наблюдал за своим господином, который в одиночестве расставлял камни на шахматной доске. Понять, что творится в душе патрона, было невозможно.

Сам же Чи Нин пребывал в прекрасном расположении духа. Затеянная им игра принесла непредвиденные плоды. Да и партию в го он вел вовсе не с самим собой, а с незримо присутствующим господином Юанем, лениво переговариваясь с божеством.

"Что ты намерен делать дальше?" — мысленно поинтересовался господин Юань.

"А теперь ход переходит к нашему великому государю, — Чи Нин опустил на доску черный камень. — Сон воплотился в явь, ненаглядная красавица у его ног. Интересно посмотреть, как он попытается заполучить ее законным путем".

Господин Юань тихо рассмеялся. Похоже, божественный вкус претерпел странные изменения, если это неумемое стремление Чи Нина сеять хаос казалось ему столь притягательным. Разгадав замысел возлюбленного, он тем не менее пожелал продолжить беседу:

"И ты действительно умоешь руки? На тебя это совсем не похоже".

"Отнюдь. Дел у меня невпроворот", — Чи Нин поднялся, сладко потянулся и, уставившись в окно на занимающуюся зарю, прошептал:

— Утро вечера мудренее. Кому же из моих любезных недругов суждено пасть первым?

Великая принцесса Канлэ, державная бабка Вэнь Шибao? Директор с печатью Дирекции дворцового хозяйства Чжоу Хайва? Или эти ничтожества из семейства Ма в Дирекции церемониала? Столько врагов вокруг — прямо глаза разбегаются от предвкушения.

"И какое отношение они имеют к нынешней истории?" — подал голос Юань.

"Самое прямое, — хмыкнул Чи Нин. — Связь прочнее некуда".

Новый император со смесью страха и благоговения взирал на тайно доставленную во дворец красавицу. Со спины она казалась точным воплощением его снов, и все же... в его груди копошилось сомнение.

Он не мог успокоиться.

Решив подстраховаться, государь призвал приближенных и задал один короткий вопрос:

— Что поделявает в последнее время Чи Нин?

Все подозрения, возникшие у Цянь Сяюя, рано или поздно должны были прийти в голову и самому императору.

Доклад о том, что Чи Нин тоже безуспешно пытался разыскать девицу, принес монарху долгожданное облегчение. Он понимал всю нелепость своего страха перед ничтожным евнухом, однако этот слуга, подобно запертому во Дворце Вечного Спокойствия маленькому принцу Вэнь Чэню, лишал его покоя. Избавиться от них государь не решался — ведь такой шаг заставил бы его признать собственную жестокость.

Нет! Он не таков, как его бесследно сгинувший венценосный брат Тяньхэ!

Он непременно станет мудрым и справедливым владыкой Поднебесной.

— Доносят, что Чи Нин замыслил удар против...

Отлично. Пускай этот гнусный евнух топит себя в крови и мести. Чем чернее его злодеяния, тем ярче на его фоне сияет праведность самого императора.

«Чем больше зла я совершу, тем чище будет казаться наш августейший повелитель. Ведь только такой негодяй, как я, мог посметь препятствовать восхождению его праведного величества на престол», — развалившись на мягких подушках, Чи Нин с усмешкой расписывал господину Юаню тайные изгибы монаршей мысли.

В тонком искусстве самообмана новый император, вне всяких сомнений, достиг совершенства.

<http://bllate.org/book/20385/2181369>